ЮСУП БАТАШЕВ

ТЕНЬ НАД ОБРЫВОМ

Ysf -

Тень над обрывом

«Автор»
2026

- Y.

Тень над обрывом / Y. - — «Автор», 2026

Двадцать два года детектив Брюс Коллинз не возвращался в родной Мейплвуд — тихий городок, где в грозовую ночь его родители сорвались в пропасть на автомобиле. Но новое дело заставляет его нарушить этот обет. У подножия того же рокового обрыва найдено тело шестнадцатилетнего Карла Райда, внука известного местного писателя.Полиция готова списать всё на несчастный случай, но странные улики и редкий засушенный цветок в руке погибшего подростка говорят об обратном. Изучая старые архивы семьи Райдов, Брюс с ужасом понимает: незадолго до смерти Карл раскопал правду о трагедии двадцатидвухлетней давности. Гибель родителей Брюса не была случайностью.Когда в доме на обрыве происходит ещё одна загадочная смерть, становится ясно: убийца всё ещё рядом и убирает свидетелей. Это кто-то настолько близкий и привычный, что его годами никто не замечал. Брюсу предстоит гонка со временем, чтобы вычислить невидимого врага раньше, чем обрыв заберёт новую жертву.

© - Y., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 18
Глава 7 20
Глава 8 22
Глава 9 24
Глава 10 26
Глава 11 28
Глава 12 30
Глава 13 32
Глава 14 34
Глава 15 37

Ysf -
Тень над обрывом

Глава 1

Телефон зазвонил в семь утра, когда Брюс Коллинз ещё не успел допить первый кофе. На экране высветилось имя капитана Дойла — а это значило, что звонок точно не про отгул.

— Коллинз, ты мне нужен в кабинете через двадцать минут, — сказал Дойл без предисловий. — Дело на севере штата. Мейплвуд.

Брюс замер, не донеся чашку до рта. Название города прозвучало так, будто кто-то произнёс его собственное имя чужим голосом — знакомое до боли и одновременно неправильное, будто оно не должно было прозвучать здесь, в его квартире, спустя столько лет.

— Мейплвуд, — повторил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Что там случилось?

— Погиб подросток. Карл Райд, шестнадцать лет. Нашли утром у подножия обрыва, недалеко от старого дома его деда. Местная полиция сначала записала как несчастный случай, но судмедэксперт зацепился за несколько деталей. Хотят, чтобы делом занялся кто-то со стороны — сам понимаешь, город маленький, все друг друга знают, объективность так себе.

Брюс молчал несколько секунд дольше, чем следовало.

— Коллинз?

— Я слышу, — сказал он. — Буду через двадцать минут.

Он положил трубку и посмотрел на остывающий кофе так, будто тот мог дать ему ответ на вопрос, который он не решался задать вслух даже себе. Обрыв. Дом на обрыве. За двадцать два года он ни разу не произнёс это словосочетание в разговоре — оно жило где-то на дне памяти, придавленное грудой более простых, управляемых воспоминаний, и вот теперь снова всплыло, зацепившись за случайное имя города в утренней сводке.

Кабинет Дойла пах несвежим кофе и старой бумагой. Капитан — грузный мужчина под пятьдесят с уставшими глазами человека, который слишком долго решает чужие проблемы, — протянул Брюсу тонкую папку.

— Карл Райд. Внук Натана Райда, местного писателя. Знаешь такого?

Брюс покачал головой, хотя, конечно, знал. Каждый ребёнок в Мейплвуде знал старика с обрыва, который сидел на веранде и писал что-то в толстых тетрадях, пока соседские дети боялись подойти ближе забора.

— Мальчик рос без отца, — продолжил Дойл, не замечая, как побелели костяшки пальцев Брюса на краю стола. — Родители в разводе, мать вернулась в Мейплвуд лет пять назад, жили вместе с дедом. Дед был для парня, по сути, единственным взрослым мужчиной рядом.

— Когда нашли тело?

— Вчера, около шести утра. Местный житель выгуливал собаку у подножия скалы. — Дойл помолчал. — Слушай, Коллинз, я могу отдать это дело Мартинесу. Ты вырос где-то в тех краях, я помню, ты упоминал что-то похожее в анкете при поступлении. Если это неудобно…

— Не неудобно, — быстро сказал Брюс. — Просто далеко ехать.

Он сам не понял, зачем солгал. Может, потому что правда — «я не хочу ехать туда, где погибли мои родители, чтобы расследовать смерть мальчика, который потерял так же много, как я» — звучала слишком откровенно для кабинета с обшарпанными стенами и запахом чужого кофе.

Дойл, кажется, не поверил, но не стал настаивать.

— Решай сам. У тебя час на подумать. Но я бы предпочёл тебя — ты лучший, кто у меня есть на такие дела, где нужно копать глубоко и без спешки.

Из дневника Б. Коллинза

Сегодня утром я едва не отказался от дела, даже не дослушав до конца, что произошло. Мейплвуд. Я не был там двадцать два года — с того самого лета, когда тётя Кэрол увезла меня в город, подальше от дома, от школы, от всех, кто знал моих родителей. Я думал, что расстояние стирает такие вещи. Оказалось, достаточно одного слова по телефону, чтобы всё вернулось — не как воспоминание, а как физическое ощущение, будто пол уходит из-под ног.

Погибший мальчик — Карл. Шестнадцать лет. Растёт без отца, единственный близкий взрослый — дед. Я прочитал это в деле и почувствовал, как что-то внутри меня сжалось так, что стало трудно дышать. Не потому, что это редкая история. А потому что она — моя, только вывернутая наизнанку. Я тоже рос без одного из родителей — без обоих сразу, — и единственным взрослым, который у меня остался, была тётя, которая делала всё, что могла, но так и не смогла заменить ни отца, ни мать. Я сказал Дойлу, что дело неудобное просто потому, что далеко ехать. Соврал. Дело неудобное, потому что я боюсь того, что могу там вспомнить.

Но я всё равно возьму его. Потому что если есть на свете мальчик, для которого сейчас всё рушится так же, как рушилось для меня, — я не имею права спрятаться в городе, где меня никто не найдёт.

К обеду он уже сидел в машине, выехав на трассу, ведущую на север. Город медленно растворялся позади, сменяясь сначала пригородами, затем полями, потом густым лесом, который Брюс помнил — или думал, что помнил — с детства. Через три часа пути указатель у обочины сообщил: «Мейплвуд — 12 миль».

Он сбавил скорость почти инстинктивно, будто тело помнило то, чего не помнил разум.

Городок открылся перед ним внезапно, из-за поворота — маленький, аккуратный, с деревянными домами, крашенными в блёклые пастельные цвета, с единственной главной улицей, вдоль которой тянулись кофейня, аптека, старая заправка и здание почты с потрёпанным флагом на крыше. Всё было меньше, чем он помнил, и одновременно — страшнее, потому что каждая деталь оказывалась узнаваемой с той пугающей точностью, с которой узнаёшь лицо человека, которого не видел много лет, но чей взгляд никогда не забывал.

Он проехал мимо школы — той самой, где когда-то учился, — не останавливаясь, стараясь смотреть только на дорогу впереди. Но глаза сами метнулись к зданию, и на мгновение ему показалось, что он видит себя, десятилетнего, идущего домой с рюкзаком через плечо, ещё не зная, что этот день станет последним, когда его мир был целым.

Соберись, — сказал он себе. Ты здесь по делу. Ты профессионал. Карл Райд — вот на ком должно быть твоё внимание, а не на призраках.

Местный участок оказался маленьким одноэтажным зданием с выцветшей вывеской. Внутри его встретила шериф Мейплвуда — женщина лет пятидесяти с прямой спиной и усталым, но острым взглядом, представившаяся как Джоан Прайс.

— Детектив Коллинз, — сказала она, пожимая ему руку крепче, чем он ожидал. — Спасибо, что приехали так быстро. Признаться, я рада, что дело забирают у нас — не потому, что мы не справимся, а потому что… — она замялась, — в маленьком городе такое дело слишком легко превращается в персональное.

— Расскажите, что вам известно, — попросил Брюс, доставая блокнот.

— Карл Райд, шестнадцать лет, найден вчера в шесть утра у подножия обрыва рядом с домом деда. Первоначально всё выглядело как падение — площадка на краю скалы скользкая после дождя, ограждения там нет уже лет десять, местные давно жалуются, что кто-нибудь однажды сорвётся. Но судмедэксперт заметил повреждения, которые не совсем вписываются в картину простого падения. И плюс, — она чуть понизила голос, — на теле нашли странную деталь. Засушенный цветок, зажатый в руке. Не то, что можно случайно подобрать при падении.

Брюс поднял глаза от блокнота.

— Какой цветок?

— Из тех, что растут в саду у дома Райдов. Экономка подтвердила — сорт местный, редкий, они специально выращивают.

Что-то кольнуло у него внутри — тонкое, необъяснимое чувство, будто эта деталь должна была что-то ему напомнить, но память отказывалась выдать, что именно.

— Кто обнаружил тело?

— Местный, Гарольд Симс, выгуливал собаку рано утром. Ничего подозрительного он не видел — собака просто побежала к обрыву и залаяла.

— А семья? Кто был дома в ночь смерти?

— Дед, Натан Райд. Мать, Карен Райд. По их словам, Карл ушёл из дома около десяти вечера — сказал, что хочет прогуляться. Больше его никто не видел.

Брюс кивнул, записывая, стараясь, чтобы рука не дрожала. Он специально не задавал следующий вопрос вслух — тот, что крутился на языке с самого утра: «Это тот же обрыв?» Он и так знал ответ. Он помнил дорогу к дому Райдов ещё до того, как шериф произнесла адрес.

Дом стоял там же, где он его помнил, — большой, деревянный, потемневший от времени, с широкой верандой, выходящей прямо на край скалы. Только теперь, при взгляде издалека, Брюс с удивлением понял, что дом Райдов был не тем местом, где погибли его родители — их участок находился в паре сотен метров дальше, вдоль того же обрыва, тянущегося широкой дугой над рекой. Разные дома. Тот же обрыв.

Он остановил машину у обочины и несколько минут просто сидел, глядя на веранду сквозь лобовое стекло. Дом, помнил он, принадлежал угрюмому старику, который иногда махал ему рукой, когда Брюс с родителями проходил мимо по выходным. Теперь этот старик — Натан Райд — только что потерял внука на том же клочке земли, где двадцать два года назад Брюс потерял родителей.

Совпадение, — подумал он. Просто совпадение места. Городок маленький, обрыв один на всех.

Но что-то внутри отказывалось принимать это объяснение так легко.

Из дневника Б. Коллинза

Стою у дома Райдов, ещё не заходил внутрь. Пишу в машине, потому что руки трясутся — не хочу, чтобы это было заметно, когда буду говорить с семьёй.

Обрыв тот же. Не то же место, где погибли мама и папа, — чуть дальше, — но та же скала, тот же изгиб реки внизу. Я помню этот вид с закрытыми глазами: как машина летит вниз в темноте, как я стою наверху много лет спустя мысленно, хотя меня там даже не было в ту ночь — я узнал обо всём утром, от соседки, которая пришла забрать меня в школу и вместо этого отвела в участок.

Шериф упомянула цветок в руке у мальчика. Засушенный, редкий, из сада Райдов. Не знаю, почему, но эта деталь зацепила меня сильнее, чем должна была. Как будто где-то в глубине памяти лежит что-то похожее — образ, запах, ощущение, — но я не могу до него дотянуться. Может, это просто усталость от дороги. А может, я просто ищу связи там, где их нет, потому что мне легче думать, что моя боль имеет смысл, чем что она была просто случайностью двадцать два года назад.

Пора заходить в дом. Нужно взять себя в руки и стать тем, кем меня наняли быть — детективом, а не мальчиком, который однажды остался один на этом же обрыве. Дверь ему открыла женщина лет сорока — усталая, с покрасневшими от бессонной ночи глазами, но державшаяся с прямой, почти нарочитой сдержанностью, как человек, который боится, что стоит расслабиться хоть на секунду — и всё рухнет.

— Вы, наверное, детектив, — сказала она вместо приветствия. — Карен Райд.

Проходите.

В доме пахло старым деревом и увядшими цветами — где-то в глубине, вероятно, стояли букеты соболезнования, уже начавшие вянуть. На стене в коридоре Брюс заметил фотографии: мальчик лет десяти на рыбалке с дедом, тот же мальчик постарше на школьном выпускном, и везде — светлая, почти застенчивая улыбка, которая теперь навсегда останется только на бумаге.

— Мне жаль о вашей потере, — сказал он, и слова прозвучали суше, чем он хотел, потому что произносить их ему самому когда-то говорили десятки раз, и он знал, насколько они бесполезны на самом деле.

Карен коротко кивнула, не глядя на него.

— Отец сейчас в кабинете. Он… ему тяжело говорить, но он ждёт вас.

Из глубины дома донёсся тихий скрип половиц — кто-то медленно спускался по лестнице. Брюс поднял взгляд и увидел высокого пожилого мужчину с прямой, несмотря на возраст, спиной и глазами, в которых читалась не просто скорбь, а нечто более сложное — усталость человека, слишком много повидавшего на своём веку, чтобы удивляться ещё одной трагедии, но всё равно раздавленного именно этой.

— Натан Райд, — представился он, протягивая руку. Пожатие было крепким, но чуть замедленным, будто каждое движение давалось ему через силу. — Вы приехали расследовать смерть моего внука.

— Да, сэр.

Натан долго смотрел на него — дольше, чем требовало простое приветствие, — и на мгновение Брюсу показалось, что в этом взгляде мелькнуло что-то похожее на узнавание. Но старик тут же отвёл глаза, будто устыдившись собственной мысли.

— Тогда проходите, — сказал он тихо. — У меня есть, что вам рассказать. Хотя, боюсь, не всё из этого будет иметь смысл — по крайней мере, пока.

Брюс шагнул в дом, ещё не зная, что человек, который только что пожал ему руку, двадцать два года назад вёл собственное, тайное расследование гибели его родителей — и что ответы, которые Брюс искал всю жизнь, ждали его за этой самой дверью.

Из дневника Б. Коллинза

Первый разговор с Натаном Райдом ещё впереди — пишу эти строки уже поздно вечером, в мотеле, куда вернулся после долгого дня. Не знаю, как объяснить то чувство, которое возникло у меня, когда он посмотрел на меня в дверях. Будто он меня узнал. Не как случайного полицейского, присланного из города, а как кого-то конкретного.

Может, мне это просто кажется. Слишком много совпадений за один день — обрыв, цветок, дом, взгляд старика. Я детектив, а не суеверный человек, и обычно я первый говорю коллегам: совпадения случаются, не нужно искать закономерность там, где её нет.

Но сегодня, впервые за двадцать два года, я не уверен, что верю в собственные слова. Завтра я поговорю с Карен подробнее, посмотрю место, где нашли тело, встречусь с экономкой, которая заметила цветок. Дело только начинается. Но я чувствую — где-то глубоко, там, где живёт тот десятилетний мальчик, так и не получивший ответов, — что это расследование станет для меня чем-то большим, чем просто очередной случай. Я приехал сюда ради Карла Райда. Но, кажется, часть меня приехала сюда ради себя самого — того, кем я был двадцать два года назад, на этом же обрыве, в ту ночь, о которой я до сих пор ничего толком не знаю.

Глава 2

Утро выдалось серым — небо затянуло плотными облаками, обещавшими дождь ближе к вечеру, и воздух пах сыростью и палой листвой. Брюс приехал к дому Райдов раньше условленного времени, специально — ему хотелось увидеть место преступления без свидетелей, без чужих голосов за спиной, объясняющих ему, что он должен думать.

Он оставил машину у обочины и пошёл пешком по узкой тропе, огибающей дом со стороны сада. Трава была ещё влажной от ночной росы, и с каждым шагом Брюс чувствовал, как воздух становится холоднее, будто сама земля здесь помнила о том, что случилось.

Обрыв открылся перед ним внезапно — так же, как и вчера, с той же безжалостной ясностью. Отсюда, с края скалы, открывался вид на реку внизу, серебристо блестевшую между камнями, и на лес, тянущийся до самого горизонта. Красиво — этого нельзя было отрицать. И одновременно страшно, потому что красота эта была той же самой, что видели, вероятно, последними в жизни и Карл Райд, и его собственные родители.

Место, огороженное жёлтой лентой, находилось чуть в стороне от тропы — там, где трава была примята, а земля у самого края носила следы недавнего осмотра криминалистами. Брюс присел на корточки, стараясь не заходить за ленту, и вгляделся в почву.

Дождь смыл большую часть следов, но кое-что ещё читалось: неглубокая борозда, тянущаяся от края тропы к самому обрыву, будто что-то — или кого-то — тащили или толкали. Слишком прямая для случайного падения. Человек, спотыкающийся в темноте, не оставляет такую ровную линию.

Может, действительно ничего не значит, — сказал он себе. Ты слишком долго работаешь с убийствами, чтобы верить в случайности.

Но линия не давала покоя.

Он вытащил телефон и сфотографировал борозду с нескольких ракурсов, затем медленно двинулся вдоль края обрыва, туда, где, по словам шерифа Прайс, было найдено тело. Место обозначили небольшим деревянным колышком с номером — стандартная процедура, но от вида этого колышка у Брюса на мгновение перехватило дыхание. Он вспомнил — совершенно некстати, — что где-то в архивах, в старом, пожелтевшем деле о гибели его родителей, наверняка тоже стоял такой же колышек, двадцать два года назад, отмечавший место, где нашли их тела. Он никогда не видел эти фотографии. Тётя Кэрол специально прятала от него все документы, связанные со следствием, — «чтобы не бередить рану», как она говорила. Теперь, глядя на этот деревянный колышек, Брюс впервые в жизни пожалел, что послушался её.

Из дневника Б. Коллинза

Стою на месте, где нашли тело Карла Райда. Странная деталь — след на земле, прямая борозда, ведущая к краю. Не похоже на случайное падение, скорее на то, что тело перемещали или тащили. Нужно уточнить у криминалистов, зафиксировали ли они это раньше, до дождя.

Но пишу не поэтому. Пишу потому, что впервые за много лет мне пришла в голову мысль: я никогда не видел материалы дела о смерти родителей. Тётя Кэрол оберегала меня от них так усердно, что я, повзрослев, даже не задумывался — а стоит ли мне их поднять самому. Теперь, стоя здесь, я понимаю: я обязан это сделать. Не потому что это как-то связано с делом Карла — я всё ещё не верю, что связано, — а потому что мне уже тридцать два года, и пора перестать быть тем мальчиком, которого оберегают от правды.

Как только вернусь в участок, отправлю запрос в архив.

Дверь дома открыла Лидия Мур — невысокая женщина лет шестидесяти, с усталым, но приветливым лицом и руками, огрубевшими от многолетней работы по хозяйству. Она встре-

тила Брюса нервной, слишком широкой улыбкой — так улыбаются люди, которым есть что скрывать, даже если скрываемое не имеет отношения к преступлению.

— Мистер Коллинз, — сказала она, — мистер Райд ждёт вас в кабинете. Хотите чаю с дороги?

— Нет, спасибо, — ответил Брюс, изучая её лицо чуть дольше, чем требовала простая вежливость. — Мисс Мур, если позволите, у меня будет к вам несколько вопросов позже.

Что-то дрогнуло в её взгляде — быстро, почти незаметно, но Брюс достаточно повидал допросов, чтобы понимать: это была не паника виновного человека, а скорее тревога человека, который слишком долго хранил чужие секреты и боялся, что теперь придётся ими делиться.

— Конечно, — сказала она, отводя глаза. — Всё, что нужно.

Кабинет Натана Райда оказался именно таким, каким Брюс его себе представлял, — комнатой, заставленной книжными полками от пола до потолка, с массивным письменным столом у окна, выходящего на тот самый обрыв. На столе лежали стопки бумаг, старая печатная машинка, несколько потрёпанных тетрадей в кожаных обложках.

Натан сидел в кресле у окна, глядя куда-то вдаль — туда, где река терялась среди холмов. Он выглядел ещё более измождённым, чем накануне, будто бессонная ночь стёрла с его лица остатки той сдержанной силы, что Брюс заметил при первой встрече.

— Садитесь, детектив, — сказал он, не оборачиваясь. — Я всё думал, что скажу вам, когда вы приедете. И до сих пор не знаю, с чего начать.

— Начните с самого простого, мистер Райд. Расскажите про Карла.

Старик наконец повернулся, и в его глазах Брюс увидел то самое выражение, которое подметил ещё вчера, — нечто среднее между горем и виной.

— Он был хорошим мальчиком. Слишком тихим для своего возраста, слишком много времени проводил один. После развода Карен он стал ещё замкнутее — вы же понимаете, каково это, когда отец просто… исчезает из жизни.

Брюс молча кивнул, стараясь, чтобы лицо не выдало, насколько точно это описание совпадает с его собственным детством.

— В последний год он стал больше времени проводить со мной, — продолжил Натан.

— Помогал разбирать архив, слушал мои старые истории о войне. Я думал, что это идёт ему на пользу. — Голос старика дрогнул. — Может, я ошибался. Может, ему стоило проводить время со сверстниками, а не со стариком, который живёт прошлым.

— Вы заметили что-нибудь необычное в последние недели? Может, он был чем-то встревожен, с кем-то поссорился?

Натан долго молчал, будто взвешивая, стоит ли говорить дальше.

— Была одна вещь, — сказал он наконец. — Недели за две до… до случившегося, он пришёл ко мне взволнованный. Сказал, что нашёл что-то странное в моих старых бумагах — среди рукописей, которые я никогда не публиковал. Я спросил, что именно, но он сказал, что хочет сначала сам разобраться. Я не придал этому значения. Теперь жалею.

Брюс почувствовал, как что-то внутри него напряглось.

— Вы не знаете, что именно он нашёл?

— Нет. Но, возможно, стоит поискать в его комнате. Он мог что-то забрать оттуда. Комната Карла оказалась именно такой, какой Брюс ожидал увидеть спальню шестнадцатилетнего подростка, — с плакатами на стенах, разбросанной одеждой, ноутбуком на столе. Но в глаза сразу бросилась одна деталь: на прикроватной тумбочке лежала стопка старых, пожелтевших листов бумаги, явно вырванных из какого-то более крупного документа, исписанных мелким, убористым почерком. Брюс натянул перчатки и осторожно взял верхний лист. Почерк был явно почерком Натана — тот же характерный наклон букв, что и в тетрадях в кабинете внизу. Но текст, который он прочитал, заставил его замереть.

«…в ночь, когда это случилось, я стоял у окна и видел свет фар на дороге к обрыву. Не решился выйти — было слишком поздно, слишком темно, и я сказал себе, что это просто проезжающая машина. Утром я узнал о случившемся с семьёй Коллинз и понял, что должен был выйти. Виктор клянётся, что ничего не видел, но я знаю его слишком давно, чтобы поверить в эту клятву до конца…»

У Брюса перехватило дыхание. Он несколько раз перечитал эти строки, будто надеясь, что слова изменятся, что фамилия «Коллинз» окажется случайным совпадением, а не прямым указанием на его собственную семью.

Он присел на край кровати Карла, чувствуя, как земля снова уходит из-под ног — второй раз за два дня. Мальчик нашёл эти страницы. Мальчик прочитал то же самое, что сейчас читал Брюс. И через две недели он был мёртв.

Из дневника Б. Коллинза

Не знаю, как описать то, что я сейчас чувствую. Страницы из архива Натана Райда — написанные его собственной рукой — упоминают моих родителей. Фамилию Коллинз. Ночь, когда «это случилось». Свет фар на дороге к обрыву.

Карл нашёл эти страницы примерно за две недели до своей смерти. Я не верю в совпадения — не в моей профессии, не после стольких лет работы. Мальчик наткнулся на что-то, что кто-то очень не хотел, чтобы стало известно. И через две недели он погиб на том же обрыве, где, если верить этим строчкам, тоже что-то произошло с моими родителями — не просто несчастный случай, как мне говорили всю жизнь. Я должен поговорить с этим человеком, Виктором — тем самым, чьей клятве Натан, по собственным словам, не до конца верил. И я должен, наконец, поднять старое дело. Больше никаких «потом». Больше никакой защиты от правды.

Сегодня впервые за двадцать два года я чувствую не просто скорбь по родителям. Я чувствую злость. И, кажется, впервые в жизни эта злость направлена не в пустоту, а на кого-то конкретного — кого-то, кто до сих пор жив и, возможно, до сих пор скрывает то, что случилось в ту ночь.

Глава 3

Карен Райд встретила Брюса на кухне — комнате, которая, в отличие от строгого кабинета отца, выглядела обжитой и тёплой: на подоконнике стояли горшки с цветами, на холодильнике — детские рисунки Карла, явно сохранённые ещё с начальной школы. Контраст между этой уютной комнатой и тем, что произошло с её хозяином, резал глаза почти физически.

— Хотите кофе? — спросила она, не дожидаясь ответа, и включила кофемашину — жест человека, которому нужно занять руки, чтобы не думать о том, зачем в его дом снова пришёл полицейский.

— Спасибо, — сказал Брюс, садясь за стол. — Миссис Райд, я понимаю, как тяжело вам сейчас говорить об этом, но мне нужно восстановить последние дни жизни Карла как можно подробнее.

Карен на мгновение замерла у кофемашины, спиной к нему, и Брюс увидел, как напряглись её плечи.

— Спрашивайте, — сказала она, всё ещё не оборачиваясь.

— Как складывались ваши отношения с отцом в последнее время?

Вопрос явно застал её врасплох — она резко обернулась, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на защитную настороженность.

— Какое это имеет отношение к смерти моего сына?

— Возможно, никакого, — честно ответил Брюс. — Но я должен понимать всю картину семьи, чтобы не упустить важное.

Карен опустилась на стул напротив него, обхватив кружку с кофе ладонями, будто ища в её тепле опору.

— Мы с отцом… — начала она и замолчала, подбирая слова. — Мы не разговаривали толком лет десять. Я уехала из Мейплвуда сразу после школы — не могла больше выносить эту атмосферу, где всё вращалось вокруг его книг, его войны, его прошлого. Мне хотелось собственной жизни, не в тени его историй.

— А потом вы вышли замуж.

— Да. За человека, которого отец невзлюбил с первой встречи — говорил, что тот «пустой», что у него «нет корней». Может, отец был прав, как оказалось в итоге. Мы развелись, когда Карлу было одиннадцать. Мне некуда было податься, кроме как обратно сюда.

— И как отец отреагировал на ваше возвращение?

Карен слабо улыбнулась — грустной, почти извиняющейся улыбкой.

— Он никогда не сказал «я же говорил тебе». Ни разу. Хотя имел полное право. Просто впустил нас обратно, как будто десяти лет молчания не было. Но между нами всё равно оставалась стена — понимаете, слишком долго мы жили порознь, чтобы просто взять и снова стать семьёй.

— А Карл? Как он относился к деду?

При упоминании сына лицо Карен изменилось — тень боли пробежала по нему, но следом появилось что-то похожее на тепло воспоминания.

— Карл обожал его, — сказала она тихо. — Гораздо больше, чем я в его возрасте. Проводил с ним все вечера, слушал истории про войну, помогал разбирать архив. Я, признаться, ревновала немного — будто он выбирал деда вместо меня. Но потом поняла: ему нужен был мужчина в жизни, а я не могла его заменить, как бы ни старалась.

— В последние недели вы замечали в нём перемены? Может, он был встревожен? Карен нахмурилась, вспоминая.

— Он стал более замкнутым, да. Меньше разговаривал за ужином, чаще запирался в своей комнате. Я думала, это обычные подростковые перепады настроения.

Спрашивала пару раз, всё ли в порядке, но он только отмахивался.

— Он не упоминал, что нашёл что-то в архиве деда? Какие-то старые бумаги? Карен покачала головой, и в её глазах Брюс увидел искреннее замешательство — не наигранное, а настоящее.

— Нет, ничего такого не говорил. А что за бумаги?

Брюс на мгновение задумался, стоит ли раскрывать подробности, но решил, что честность здесь важнее осторожности.

— Мы нашли у него в комнате несколько страниц из архива вашего отца. Судя по всему, старые записи, касающиеся событий двадцатидвухлетней давности.

Упоминается фамилия Коллинз.

Он внимательно наблюдал за её реакцией. Если Карен и знала фамилию, то ничем этого не выдала — её лицо отразило лишь озадаченность, но не узнавание.

— Коллинз? — переспросила она. — Не припомню такую семью в Мейплвуде. Хотя, признаться, я уехала так надолго, что многое могло произойти без меня.

Брюс кивнул, не уточняя, что фамилия, о которой шла речь, была его собственной.

Из дневника Б. Коллинза

Разговор с Карен Райд не дал прямых ответов, но многое прояснил о семейной динамике. Она искренне не знает, что нашёл Карл в архиве отца, — я почти уверен в этом. Значит, мальчик хранил находку в тайне даже от матери, что говорит либо о его осторожности, либо о том, что он сам не был до конца уверен, что делать с обнаруженным.

Меня зацепила одна деталь: Карен не узнала фамилию Коллинз. Это странно — если её отец действительно был как-то связан с гибелью моих родителей, разве не должна была эта история хоть краем уха дойти до неё за все эти годы, пусть даже она жила вдали от города? Или это значит, что событие двадцатидвухлетней давности хранилось в такой глубокой тайне, что даже собственная дочь Натана Райда ничего о нём не знала.

Завтра поговорю с Виктором Хейзом. Пора спросить напрямую, что он видел — или не видел — в ту ночь.

Глава 4

Архив Натана Райда занимал отдельную комнату на втором этаже — что-то среднее между библиотекой и музеем, где на полках теснились папки, перевязанные бечёвкой, коробки со старыми фотографиями и целый ряд одинаковых кожаных тетрадей, пронумерованных по годам.

— Он ведёт дневники с самой войны, — пояснила Лидия Мур, впустив Брюса в комнату. — Пятьдесят с лишним лет записей. Иногда мне кажется, что он помнит прошлое лучше, чем настоящее.

Брюс попросил разрешения ознакомиться с записями за последние тридцать лет — период, охватывающий и гибель его родителей, и годы, предшествовавшие ей. Натан, к его удивлению, не стал возражать.

— Берите всё, что нужно, — сказал старик устало. — Мне нечего скрывать, детектив. Хотя, боюсь, кое-что там может показаться вам… неудобным.

Первые несколько часов Брюс провёл, методично просматривая записи, датированные годами до и после трагедии. Большая часть текста касалась повседневных мелочей — погоды, урожая в саду, размышлений о новой книге. Но ближе к нужному периоду тон записей менялся — становился тревожнее, отрывистее, будто автор писал второпях, боясь, что его прервут.

Одна запись, датированная за месяц до гибели родителей Брюса, привлекла его особое внимание:

«Сегодня Марк Коллинз снова отказал Мерсеру. Тот приходил уже третий раз за месяц, предлагал всё большую цену за участок у обрыва, но Марк твёрд — говорит, земля принадлежала его семье три поколения, и он не продаст её ни за какие деньги. Мерсер уходил с лицом человека, который не привык слышать «нет». Я знаю этот тип людей — на войне такие обычно плохо кончали, потому что не умели принимать поражение».

Брюс перечитал строки несколько раз, чувствуя, как пульс учащается. Он никогда не слышал имени Мерсера в связи со своей семьёй — ни от тёти, ни из скудных обрывков информации, которые он собирал по крупицам за все эти годы.

Следующая запись была датирована уже после трагедии:

«Марк и Хелен погибли вчера ночью. Официальная версия — несчастный случай, машина сорвалась с обрыва в грозу. Но я не могу отделаться от мысли о Мерсере. Слишком удобное совпадение — семья, отказавшая ему буквально накануне, погибает на том самом участке земли, который он так хотел заполучить. Я поделился этими сомнениями с Виктором — он сказал, что я преувеличиваю, что горе ищет виноватых там, где их нет. Может, он прав. А может, ему просто удобнее в это верить». Брюс отложил тетрадь, чувствуя, как дрожат руки. Впервые за двадцать два года у него появилось не просто смутное ощущение неправильности, а конкретное имя, конкретный мотив, конкретная связь между прошлым и настоящим.

Дальнейшие записи раскрывали ещё одну деталь, зацепившую внимание Брюса, — упоминание Виктора Хейза в контексте, который явно намекал на нечто недосказанное.

«Виктор снова заходил сегодня. Мы говорили о войне, как обычно, но, когда разговор коснулся Коллинзов, он резко сменил тему. Мы столько прошли вместе на фронте, столько раз спасали друг друга, — но иногда мне кажется, что он несёт какой-то груз, о котором не хочет говорить даже мне. “Невыплаченный долг” — так он сам однажды это назвал, полушутя, когда выпил лишнего. Я не стал допытываться. У каждого фронтовика свои призраки».

Брюс отложил и эту запись, задумавшись. «Невыплаченный долг» — фраза звучала слишком многозначительно, чтобы быть простой оговоркой. Что, если Виктор действительно что-то видел или знал в ту ночь и все эти годы носил в себе тяжесть недосказанности?

Дверь в архив скрипнула, и Брюс обернулся, увидев Натана, стоящего в проёме с чашкой чая в руках — судя по всему, предложение мира после утреннего напряжённого разговора.

— Нашли что-нибудь полезное? — спросил старик, хотя в его голосе слышалось не столько любопытство, сколько тревога человека, знающего ответ заранее.

— Мистер Райд, — сказал Брюс медленно, — вы писали о человеке по фамилии Мерсер, который пытался выкупить землю у моих… у семьи Коллинз незадолго до их гибели. Вы можете рассказать об этом подробнее?

Натан помолчал, затем медленно опустился в старое кресло у окна, будто силы внезапно оставили его.

— Джин Мерсер, — сказал он наконец. — Местный делец, скупал землю по всей округе с самого начала девяностых. Многие продавали ему участки за хорошие деньги, но некоторые — семья Коллинз, я сам — отказывались. Он не любил отказов. Никогда не любил.

— Вы подозревали его в причастности к гибели Коллинзов?

Натан долго смотрел в окно, на серую линию обрыва вдалеке.

— Подозревал, — сказал он тихо. — Но у меня не было доказательств, только чувство. А чувства, детектив, не принимают в суде как улики. Я поделился сомнениями с Виктором — он посчитал, что я ищу виноватых там, где их нет. Может, он был прав. А может, — старик посмотрел прямо на Брюса, и в его взгляде мелькнуло нечто похожее на извинение, — может, мне тогда стоило настоять сильнее.

Брюс молчал, чувствуя, как внутри него нарастает нечто среднее между гневом и горькой благодарностью — впервые за все эти годы кто-то говорил с ним не отвлечёнными фразами утешения, а конкретными фактами, пусть и неполными, пусть и запоздалыми на двадцать два года.

Из дневника Б. Коллинза

Джин Мерсер. Впервые за двадцать два года у истории моих родителей появилось имя — не абстрактная «непогода» или «несчастный случай», а конкретный человек с конкретным мотивом. Он хотел их землю. Они отказали. Через месяц они погибли. Я должен быть осторожен. Одно упоминание в дневнике старика — не доказательство, а лишь догадка человека, который сам признаёт, что у него не было ничего конкретного. Но это первая настоящая зацепка за всю мою жизнь, и я не намерен её упускать.

Есть ещё Виктор с его “невыплаченным долгом”. Завтра я поговорю с ним лично. И, кажется, пора всё-таки официально запросить архивное дело о гибели моих родителей — не для дневника, а для настоящего расследования. Если между смертью Карла и смертью моих родителей действительно есть связь, я обязан её найти. Не только как детектив. Как сын.

Глава 5

Похороны Карла Райда были назначены на субботу, и весь Мейплвуд, казалось, собрался на маленьком кладбище за старой церковью Святого Матфея. Брюс приехал туда не как следователь, ведущий дело, — по крайней мере, формально, — а как человек, обязанный присутствовать, чтобы наблюдать за реакциями людей, которых он подозревал, пусть и неявно, в причастности к случившемуся.

День выдался пасмурным, но без дождя — серое небо нависало над рядами надгробий, будто сдерживая слёзы, которые щедро проливали собравшиеся. Карен стояла у самого края могилы, бледная, в чёрном пальто, которое казалось ей велико, — её поддерживал под руку Натан, сам выглядевший столетним стариком в этот день, куда более хрупким, чем прежде.

Брюс держался в стороне, у старой каменной ограды, наблюдая за толпой. И именно оттуда он заметил то, что сразу резануло глаз неправильностью, — молодую женщину с телефоном, снимающую происходящее на видео, медленно обходящую собравшихся, будто выбирая наиболее выразительные кадры горя.

— Это Молли Эштон, — шепнула ему подошедшая Рэйчел Тёрнер, его напарница, только утром подключившаяся к делу. — Ведёт блог о «реальных трагедиях маленьких городов». У неё десятки тысяч подписчиков. Снимала похороны уже дважды в этом году — какой-то утонувший турист и пожилая пара, погибшая в пожаре.

Брюс почувствовал, как в груди закипает глухая злость — не столько на саму Молли, сколько на то, что чужое горе, то самое горе, которое он носил внутри себя двадцать два года, превратилось для кого-то в контент, в просмотры, в лайки.

— Поговорим с ней после церемонии, — сказал он тихо.

Молли Эштон оказалась моложе, чем Брюс предполагал, — лет двадцати пяти, с аккуратным, отрепетированным выражением сочувствия на лице, которое, впрочем, мгновенно сменилось почти деловой собранностью, как только она поняла, что перед ней детективы.

— Я понимаю, как это выглядит, — сказала она, пока они отошли в сторону от основной группы провожающих. — Но люди хотят знать правду о таких трагедиях. Я не делаю ничего незаконного.

— Незаконного — нет, — согласился Брюс. — Но меня интересует другое, мисс Эштон. Вы, похоже, неплохо осведомлены о жизни в этом городе. Вы знали Карла лично? Молли на секунду замешкалась — первый искренний момент за весь разговор.

— Немного, — призналась она. — Он иногда появлялся у меня в комментариях. Задавал вопросы о прошлых делах, которые я освещала. Казался… одержимым темой несчастных случаев в городе. Говорил, что у него есть “теория” насчёт того, что некоторые из них были не случайны.

Брюс почувствовал, как пульс учащается.

— Какая теория?

— Он не вдавался в подробности. Просил меня покопаться в старых газетных архивах — есть ли упоминания о других похожих происшествиях на том обрыве. Я нашла пару старых статей, отправила ему, но потом он перестал отвечать. Я подумала, что ему просто надоело.

— Когда это было?

— Недели за три до его смерти, может, чуть меньше.

Из дневника Б. Коллинза

Карл не просто нашёл страницы в архиве Натана — он активно искал подтверждения своей теории, обращаясь даже к посторонним людям, таким как эта Молли Эштон. Мальчик вёл собственное расследование, параллельное моему, только на шестнадцать лет раньше срока.

От этой мысли мне физически больно — он должен был беспокоиться о школе, о девушках, о чём угодно, кроме призраков двадцатидвухлетней давности.

Нужно выяснить, какие именно статьи нашла для него Молли. Если это те же газетные архивы, что и то дело Коллинзов, значит, мальчик действительно связал обе трагедии задолго до меня самого.

На обратном пути с кладбища Брюс заметил Анну Хейз — девушку, которую видел впервые, хотя её лицо показалось смутно знакомым, — она стояла поодаль от основной толпы, у самой ограды, и явно старалась остаться незамеченной. В её глазах читалось то особенное, застывшее горе, которое Брюс слишком хорошо знал по собственному опыту, — горе не просто скорбящего друга, а кого-то, кто потерял нечто большее.

— Рэйчел, — сказал он тихо, — узнай, кто эта девушка у ограды.

Через несколько минут напарница вернулась с ответом:

— Анна Хейз. Дочь Виктора Хейза.

Брюс кивнул, запоминая имя. Пока ничего конкретного, но интуиция, та самая интуиция, которая двенадцать лет вела его по сотням дел, подсказывала: девушка знает больше, чем показывает.

Глава 6

Дом Виктора Хейза находился на другом конце города, в небольшом переулке, застроенном одноэтажными домиками послевоенной эпохи, — сам Виктор, несмотря на свои семьдесят восемь лет, встретил Брюса на крыльце крепким пожатием руки и прямым, изучающим взглядом человека, привыкшего мгновенно оценивать противника.

— Детектив Коллинз, — произнёс он медленно, будто пробуя фамилию на вкус. — Наслышан о вашем приезде. Весь город только об этом и говорит.

Они расположились в маленькой, аскетично обставленной гостиной, где на стенах висели старые военные фотографии — Виктор и Натан, совсем молодые, в форме, на фоне джунглей и выжженной земли далёкой чужой войны, куда их обоих забрали совсем юными.

— Мистер Хейз, — начал Брюс, — я расследую гибель Карла Райда, но в процессе всплыли некоторые обстоятельства, касающиеся гибели моих собственных родителей — Марка и Хелен Коллинз, двадцать два года назад. Насколько я понял, вы были одним из первых, кто обнаружил их тела.

Что-то едва заметно изменилось в лице старика — мышцы вокруг глаз напряглись, пальцы, лежавшие на подлокотнике кресла, чуть сжались.

— Было дело, — сказал он спокойно, хотя голос прозвучал чуть более напряжённо, чем секунду назад. — Страшная трагедия. Машина сорвалась с обрыва в грозу, насколько я помню. Я тогда помогал шерифу осматривать место.

— Натан Райд упоминает в своих дневниках, что у вас, по вашим же словам, остался какой-то “невыплаченный долг” в связи с этим делом. Вы можете объяснить, что он имел в виду?

Виктор долго молчал, глядя куда-то в пространство между Брюсом и окном, будто решая, сколько правды готов открыть.

— Натан слишком много читает в чужие слова, — сказал он наконец, хотя в его тоне не было уверенности. — Мы были молоды, пережили войну вместе, спасли друг другу жизнь не один раз. После такого между людьми остаются долги, которые невозможно описать словами из обычной жизни. Я говорил о чувстве вины фронтовика, который выжил, когда другие погибли. Не более того.

Объяснение звучало гладко, слишком гладко для спонтанной реплики, и Брюс мысленно отметил это — не как доказательство лжи, но как сигнал к дальнейшему вниманию.

Разговор продолжался ещё минут двадцать, по большей части о военном прошлом Виктора и его дружбе с Натаном, — ничего существенного для дела, если не считать одной детали. Когда Брюс, уже собираясь уходить, как бы невзначай упомянул про смерть Карла, произошедшую “так же, как, вероятно, происходят подобные несчастья на этом обрыве”, Виктор вдруг застыл на месте, и с его губ сорвалась фраза, явно не предназначавшаяся для посторонних ушей:

— Это как в тот раз… — пробормотал он, затем резко осёкся, будто осознав, что сказал вслух то, что должно было остаться мыслью.

— В какой раз, мистер Хейз? — спросил Брюс тихо, стараясь не выдать, насколько важен для него этот момент.

Виктор несколько секунд молчал, явно пытаясь найти выход из собственной оговорки.

— Ничего, — сказал он наконец, отводя взгляд. — Старческая привычка бормотать всякую чепуху. Извините, детектив, я устал. Возраст уже не позволяет вести долгие беседы.

Брюс не стал настаивать — опыт подсказывал, что сейчас нажим лишь укрепит стену, которую старик начал возводить заново. Но, выходя из дома, он знал абсолютно точно: фраза “это как в тот раз” не была случайной. Виктор Хейз помнил что-то конкретное — какое-то

событие, повторившееся сейчас почти в точности, — и это чтото, судя по его реакции, пугало его до глубины души.

Из дневника Б. Коллинза

“Это как в тот раз…” Четыре слова, вырвавшиеся случайно, но говорящие больше, чем весь остальной наш разговор. Виктор Хейз знает что-то конкретное о гибели моих родителей — не просто смутные подозрения, как у Натана, а что-то, что он лично видел или испытал, что-то, повторившееся теперь в деле Карла почти буквально. Он слишком быстро замкнулся, слишком гладко объяснил свою оговорку привычным бормотанием старика. Люди, которые действительно просто бормочут чепуху, не бледнеют так, как побледнел он в ту секунду.

Я должен найти способ вернуться к этому разговору, но не напролом — старик явно умеет держать себя в руках, когда чувствует давление. Нужен другой подход, может, через Анну — если она действительно знает больше, чем показала на похоронах, возможно, через неё я смогу подобраться к правде, которую её отец так старательно оберегает.

Глава 7

Лидия Мур встретила Брюса и Рэйчел на кухне дома Райдов, где она, по своему обычаю, готовила обед, хотя сейчас, в доме, погружённом в траур, казалось странным само это занятие — будничная рутина среди всеобщего горя.

— Мисс Мур, — начал Брюс, усаживаясь за кухонный стол напротив неё, — вы упоминали, что работали в этом доме много лет. Сколько именно?

— Двадцать два года, — ответила она, не поднимая глаз от разделочной доски. — Пришла сюда вскоре после той трагедии с семьёй Коллинз. Помогала с Карлом, пока он рос.

— А до этого? Вы работали где-то ещё в Мейплвуде?

Руки Лидии на мгновение замерли над разделочной доской — едва заметная пауза, которую опытный следователь не мог не отметить.

— Было дело, — сказала она после короткого молчания. — Я работала у семьи Коллинз. Недолго, правда, — всего пару лет, перед тем как… — она не закончила фразу, но Брюс понял, о чём идёт речь.

— Перед тем как они погибли, — закончил он за неё.

Лидия кивнула, не поднимая взгляда.

— Да. Ужасная трагедия. Я тогда как раз искала новое место — семья Райдов предложила мне работу буквально через пару месяцев после случившегося.

— Вы помните что-нибудь из того периода? Любые детали, которые могли показаться важными?

Лидия наконец подняла глаза, и Брюс увидел в них смесь тревоги и чего-то похожего на старую, застарелую усталость — усталость человека, который слишком долго носил в себе невысказанное.

— Детектив, — сказала она тихо, — я простая домработница. Я убираю, готовлю, слежу за порядком. Не моё дело лезть в дела хозяев. Я видела многое за эти годы — в обоих домах, если честно, — но предпочитала не задавать вопросов. Такая работа, как у меня, держится на умении не видеть лишнего.

Ответ был сформулирован слишком осторожно, слишком выверенно, чтобы быть просто искренней скромностью, — и Рэйчел, судя по быстрому взгляду, которым она обменялась с Брюсом, отметила то же самое.

— И всё же, — продолжил Брюс мягко, — возможно, вы видели что-то, чему не придали значения в своё время, но что сейчас может оказаться важным. Например, в ночь гибели Марка и Хелен Коллинз.

Лидия отложила нож, и Брюс заметил, как слегка дрожат её пальцы.

— Я… — начала она, затем остановилась, явно борясь с собой. — Я уже не помню точно, детектив. Это было слишком давно.

Но что-то в её тоне — слишком быстрый ответ, слишком явное желание закрыть тему — подсказывало Брюсу, что память Лидии Мур была куда более цепкой, чем она хотела показать.

Когда они вышли из дома, Рэйчел покачала головой.

— Она что-то скрывает, — сказала она уверенно. — Весь её язык тела кричал об этом.

— Или просто боится говорить о давней трагедии, — ответил Брюс, хотя сам не до конца верил собственным словам. — Домработница, проработавшая в обоих домах — и у моих родителей, и теперь у Райдов, — это, возможно, просто совпадение, характерное для маленького города, где все знают всех.

— А может, и не совпадение, — заметила Рэйчел. — Люди в её положении видят больше, чем кто-либо подозревает. Хозяева забывают о прислуге, говорят при ней свободно, не стес-

няясь, думая, что она — просто часть мебели. Если кто-то в этом городе знает правду, минуя громкие имена вроде Мерсера или Виктора, — возможно, это именно она.

Брюс промолчал, обдумывая слова напарницы. Было в них что-то тревожно верное — человек, которого годами не замечали, годами считали частью фона, видел, вероятно, куда больше, чем кто-либо мог предположить. Вопрос был лишь в том, готова ли Лидия Мур когда-нибудь рассказать то, что видела.

Из дневника Б. Коллинза

Лидия Мур работала у моей семьи перед тем, как перейти к Райдам. Совпадение? В маленьком городе, вроде Мейплвуда, совпадения случаются чаще, чем в большом — здесь ограниченный круг людей, ограниченный круг работы. Но её реакция на мой вопрос о ночи гибели родителей была слишком острой для человека, который “уже не помнит точно”.

Рэйчел права в одном: люди, вроде домработницы, годами остающиеся невидимыми для хозяев дома, часто видят куда больше, чем им положено видеть. Если Лидия действительно что-то скрывает, вопрос не в том, знает ли она правду, а в том, что заставляет её молчать столько лет — страх, преданность, или что-то ещё, чего я пока не могу разглядеть.

Дело обрастает слишком многими нитями одновременно — Мерсер с его мотивом, Виктор с его оговоркой, теперь Лидия с её странным молчанием. Где-то среди этих нитей прячется правда, но я пока не вижу, как они связаны между собой.

Глава 8

Офис Джина Мерсера занимал весь верхний этаж единственного в Мейплвуде понастоящему современного здания — стеклянной коробки, воткнутой посреди старых кирпичных фасадов, как заноза, которую город так и не смог вытащить. Уже с порога Брюс почувствовал запах денег — дорогой кожи, свежего кофе, чего-то стерильного и безликого, что не имело ничего общего с запахом сырой земли и мокрой листвы, преследовавшим его все последние дни у обрыва.

Мерсер поднялся им навстречу из-за стола — крупный мужчина лет шестидесяти пяти, с загаром, явно приобретённым не на здешних холодных реках, а где-то на дорогих курортах, и с улыбкой, отработанной годами переговоров настолько, что она казалась почти настоящей.

— Детектив Коллинз, — произнёс он, пожимая руку чуть крепче, чем требовалось. — Наслышан, наслышан. Город маленький, слухи разлетаются быстрее новостей.

— Мистер Мерсер, вы наверняка знаете, зачем мы здесь, — сказала Рэйчел, не тратя времени на любезности.

— Полагаю, из-за бедного мальчика Райдов. — Улыбка Мерсера на мгновение дрогнула, сменившись чем-то более осторожным. — Трагедия, настоящая трагедия. Хотя я не понимаю, какое отношение я могу иметь к этому.

— Нам известно, что вы на протяжении многих лет пытались выкупить участок земли у обрыва — сначала у семьи Коллинз, затем у Натана Райда, — сказал Брюс, наблюдая за каждой мышцей на лице собеседника. — И мы знаем, что совсем недавно вы снова обращались к Райдам с тем же предложением.

Мерсер медленно опустился обратно в кресло, и впервые за весь разговор его поза утратила лёгкую расслабленность.

— Бизнес есть бизнес, детектив. Та земля стоит целое состояние — вид на реку, близость к шоссе, идеальное место для застройки. Я предлагал Натану Райду честную рыночную цену, даже выше рыночной. Он отказал, как отказывал двадцать лет. Это не преступление — предлагать деньги за землю.

— А когда семья Коллинз отказала вам двадцать два года назад? — спросил Брюс, чувствуя, как голос становится жёстче, чем он планировал. — Через месяц они погибли. Вам не кажется это… удобным совпадением?

В комнате повисла тяжёлая тишина. Улыбка окончательно сползла с лица Мерсера, обнажив нечто более холодное и настороженное.

— Я вижу, куда вы клоните, детектив, — сказал он медленно. — И мне это не нравится. Я деловой человек, не убийца. Да, мне было выгодно, чтобы эта земля сменила владельца. Но желать чего-то и убивать ради этого — разные вещи, и я надеюсь, вы это понимаете не хуже меня.

— Где вы были в ночь гибели Карла Райда? — спросила Рэйчел прямо.

Мерсер на мгновение прищурился, оценивая, насколько серьёзен вопрос, затем потянулся к интеркому на столе.

— Дженни, принеси мне ежедневник за прошлую неделю, — сказал он, затем снова обратился к детективам. — У меня был ужин с инвесторами из Олбани в ту ночь. Десять свидетелей, включая метрдотеля ресторана. Можете проверить.

Алиби прозвучало слишком гладко, слишком готово к проверке — будто Мерсер ожидал этого вопроса задолго до того, как он прозвучал.

Выходя из офиса, Рэйчел покачала головой.

— Алиби железное, — сказала она с ноткой разочарования. — Десять свидетелей не подделаешь просто так.

— Железное алиби ещё не значит невиновность, — ответил Брюс, хотя в глубине души чувствовал укол сомнения. — Он мог заплатить кому-то. Или… — он замолчал, не желая озвучивать мысль, что кто-то другой, не связанный напрямую с Мерсером, мог действовать в его интересах, сам того не подозревая.

— Или мы гонимся не за тем человеком, — закончила за него Рэйчел, озвучивая то, чего он сам боялся признать.

Брюс не ответил. Что-то внутри подсказывало ему: слишком очевидный мотив, слишком удобный подозреваемый — а настоящие преступления редко бывают настолько удобными.

Из дневника Б. Коллинза

Мерсер — очевидный подозреваемый, слишком очевидный. Мотив у него есть, причём двойной — и в деле моих родителей, и теперь в деле Карла. Но алиби на ночь гибели Карла железное, десять свидетелей не оставляют места для сомнений. И что-то в этой очевидности меня настораживает всё сильнее.

За двенадцать лет работы я выучил одну простую истину: самый очевидный подозреваемый редко оказывается настоящим преступником — особенно если улики против него лежат на поверхности, будто кто-то специально их туда положил. Может, я слишком давно в этой профессии, чтобы доверять простым ответам. А может, кто-то действительно хочет, чтобы мы сосредоточились на Мерсере, пока настоящая правда прячется в тени, которую никто не удосужился проверить.

Глава 9

Ночь застала Брюса в архиве Натана Райда — он вернулся туда один, уже без официального предлога, просто поддавшись настойчивому чувству, что пропустил что-то важное среди десятков тетрадей, просмотренных слишком бегло за недостатком времени.

Лампа на столе отбрасывала узкий круг жёлтого света, за пределами которого комната тонула в густой темноте, — дом спал, Карен и Натан давно разошлись по спальням, и только скрип половиц под ногами Лидии Мур, доносившийся откуда-то снизу, нарушал тишину.

Брюс методично пролистывал незаконченную рукопись Натана — роман, который старик, по-видимому, так и не довёл до конца, разбросанные главы вперемешку с черновыми набросками, зачёркнутыми абзацами, пометками на полях. Он почти отчаялся найти что-то конкретное, когда взгляд зацепился за один абзац, выделявшийся среди прочего текста странной, почти клинической точностью описания:

«Дом стоял на самом краю, там, где земля обрывалась в пустоту, а внизу шумела река, безразличная к человеческим трагедиям, разыгрывающимся над её берегами. Женщина знала, что муж не доверяет ей больше — не после того разговора о продаже земли. Она знала и то, что в доме есть человек, готовый сделать то, на что сама она никогда бы не решилась, человек, чьё лицо было настолько привычным, настолько родным для домочадцев, что никто и не подумал бы заподозрить его, даже после того, как тела найдут у подножия обрыва…»

Брюс замер, читая и перечитывая эти строки. Это был не просто отрывок художественного романа — слишком точные детали, слишком специфичная география совпадали с тем, что он знал о ночи гибели своих родителей. Обрыв, река, разговор о продаже земли. Но самое тревожное — фраза о человеке, “чьё лицо было настолько привычным”, о том, кого “никто и не подумал бы заподозрить”.

Он лихорадочно пролистал несколько страниц назад, пытаясь найти контекст, объясняющий, о ком именно идёт речь, но текст обрывался на середине фразы, будто автор намеренно — или в приступе страха — прервал работу именно в этом месте. На полях, едва заметным, почти стёртым карандашом, была приписка, сделанная явно в другое время, другим состоянием руки: «Слишком близко. Опасно продолжать». Дверь архива скрипнула, и Брюс резко обернулся, инстинктивно захлопывая тетрадь. В дверях стоял Натан, в домашнем халате, с застывшим, напряжённым выражением лица — будто он знал заранее, что застанет Брюса именно за этим занятием.

— Вы нашли ту главу, — сказал старик, и это не было вопросом.

— Мистер Райд, — произнёс Брюс медленно, чувствуя, как колотится сердце, — вы писали это как художественный вымысел, или…

— Или как завуалированную правду, которую я боялся сказать прямо? — Натан опустился на стул у двери, будто ноги внезапно отказались его держать. — И то, и другое, детектив. Писатели часто прячут правду в вымысле — это безопаснее, чем произносить её вслух. Я писал о том, что подозревал, но боялся сформулировать даже для самого себя.

— Кто этот человек, о котором вы пишете? Тот, чьё лицо “настолько привычно”, что его невозможно заподозрить?

Натан долго молчал, глядя в пол, и Брюс видел, как внутренняя борьба отражается на его измождённом лице.

— Я не знаю наверняка, — сказал старик наконец, и в его голосе прозвучала искренняя, мучительная неуверенность. — Клянусь вам, детектив, не знаю. Это было скорее ощущение, чем знание — чувство, что убийца, если он существовал, должен был быть кем-то настолько близким к обеим семьям, что его присутствие никогда не вызывало вопросов. Кем-то, кого воспринимали как часть обстановки, а не как человека со своими желаниями и обидами.

Слова старика эхом отозвались в голове Брюса, накладываясь на недавний разговор с Рэйчел о Лидии Мур — о людях, которых хозяева перестают замечать, считая частью мебели собственного дома.

— Карл читал эту главу? — спросил Брюс напряжённо.

Натан кивнул медленно, будто признание давалось ему физически тяжело.

— Нашёл её месяц назад. Задавал мне те же вопросы, что и вы сейчас. Я не дал ему прямых ответов — не хотел втягивать мальчика в собственные непроверенные подозрения. Теперь жалею об этом больше, чем о чём-либо ещё в своей жизни.

Из дневника Б. Коллинза

Чем дальше я продвигаюсь, тем отчётливее понимаю: это не метафора и не совпадение. Кто-то, настолько близкий к обеим семьям, что его присутствие никогда не казалось странным, стоит за всем происходящим. Мерсер слишком заметен, слишком очевиден — он никогда не был “частью мебели” ни в одном из домов. А вот кто-то другой…

Мне страшно признаваться себе, куда ведёт эта мысль. Но я чувствую, как круг подозреваемых сужается, пусть пока и без конкретного имени. И я чувствую нечто ещё более тревожное: если убийца действительно существует и действительно настолько близок к обеим семьям, значит, он — или она — всё ещё здесь, в Мейплвуде, всё ещё ходит по тем же улицам, всё ещё, возможно, наблюдает за тем, как я приближаюсь к правде.

Глава 10

Крейг Фостер появился в деле лишь мельком — молодой историк, пишущий диссертацию о фронтовом поколении Мейплвуда, получивший разрешение работать с архивом Натана Райда задолго до смерти Карла. Брюс встречался с ним лишь однажды, коротко, в коридоре дома Райдов, и тогда не придал этой встрече особого значения — обычный, слегка рассеянный молодой учёный, поглощённый старыми документами.

Телефонный звонок раздался в седьмом часу утра, вырвав Брюса из тяжёлого, беспокойного сна.

— Брюс, — голос Рэйчел звучал необычно напряжённо, лишённый привычной утренней иронии, — тебе нужно срочно приехать в архив Райдов. Крейг Фостер мёртв. Дорога до дома Райдов превратилась в размытое пятно — Брюс почти не помнил, как добрался, как припарковал машину, как взбежал по лестнице на второй этаж, туда, где ещё неделю назад сам листал старые тетради Натана в поисках истины.

Тело Крейга лежало у подножия приставной лестницы, которой пользовались, чтобы добраться до верхних полок архива, — голова повёрнута под неестественным углом, одна нога подвёрнута, будто юноша упал с большой высоты. Лестница валялась рядом, опрокинутая, её верхние перекладины касались самого потолка — там, где на верхней полке, судя по отпечаткам в пыли, недавно что-то переставляли.

— Шериф Прайс считает, что это несчастный случай, — сказала Рэйчел тихо, пока они стояли у огороженного ленты места. — Поскользнулся, лестница была старая, перила разболтаны. Классический сценарий.

— Слишком классический, — пробормотал Брюс, присаживаясь на корточки рядом с телом, стараясь абстрагироваться от того факта, что совсем недавно он с теплотой общался с этим же человеком, живым и полным энтузиазма по поводу своей работы.

— Крейг работал здесь месяцами. Он знал эту лестницу лучше, чем кто-либо другой. Опытные историки не падают с лестниц, которыми пользуются каждый день.

Он осмотрел ладони погибшего — характерные ссадины, какие остаются при попытке ухватиться за что-то в момент падения, но что-то в расположении этих ссадин показалось ему неправильным, слишком симметричным для хаотичного, паникующего движения тела, летящего вниз.

Он обвёл взглядом пол вокруг тела, ожидая увидеть то, что уже видел две недели назад рядом с телом Карла, — но не находил. Ни лепестка, ни стебелька. И именно это отсутствие, как ни странно, насторожило его сильнее, чем любая улика могла бы насторожить. Если оба случая — дело одних и тех же рук, почему здесь не хватает той самой детали, что должна была связать их воедино?

— Рэйчел, — произнёс он тихо, чувствуя, как по спине пробегает ледяная волна, — посмотри сюда.

Напарница присела рядом, и Брюс увидел, как её лицо меняется — профессиональная сосредоточенность уступает место потрясённому осознанию.

— Это не совпадение, — прошептала она.

— Нет, — согласился Брюс. — Это почерк. У нас серийный убийца, Рэйчел. И он всё ещё здесь, в этом доме.

Шериф Прайс, прибывшая на место чуть позже, выслушала доводы Брюса с явным скептицизмом, смешанным, впрочем, с растущей тревогой.

— Сходство в характере падения — этого недостаточно для официального заключения об убийстве, детектив, — сказала она, хотя в её голосе уже не было прежней уверенности. — Защита разорвёт такую версию в суде за пять минут.

— Я не прошу официального заключения прямо сейчас, — ответил Брюс. — Я прошу пересмотреть это дело как потенциальное убийство, провести полную экспертизу места происшествия, проверить, была ли лестница действительно неисправна или её специально ослабили.

Прайс долго молчала, взвешивая, затем медленно кивнула.

— Хорошо. Но действуем осторожно, Коллинз. Если вы правы, и в этом доме действительно орудует убийца, нам нужны реальные улики, а не просто ваша интуиция.

Брюс кивнул, хотя внутри него нарастало нечто куда более острое, чем простая профессиональная настороженность, — страх, настоящий, животный страх за всех, кто ещё оставался в этом доме: за Карен, потерявшую сына и теперь, возможно, находящуюся в опасности сама; за старого Натана, чьи дневники стали путеводной нитью к правде и, вероятно, причиной собственной уязвимости; и, что пугало особенно остро, за Лидию Мур — женщину, которая слишком много лет провела рядом с обеими трагедиями, слишком много знала, слишком долго молчала.

Кто-то убирает концы, — подумал Брюс, глядя на пустое место на полу там, где должен был лежать цветок. Крейг нашёл что-то в архиве. Что-то такое же, что нашёл Карл. И оба поплатились за это жизнью.

Из дневника Б. Коллинза

Второй труп за две недели. Но на этот раз — без цветка, без привычной “подписи”, которую я уже начал считать почерком убийцы. Отсутствие детали тревожит меня едва ли не больше, чем её обычное присутствие, — будто что-то в этот раз помешало довести ритуал до конца.

Я ошибался, думая, что имею дело с одним убийством двадцатидвухлетней давности, эхом отозвавшимся в настоящем. Теперь ясно: убийца действует сейчас, в реальном времени, убирая всех, кто приближается к правде слишком близко. Карл нашёл страницы в архиве — погиб. Крейг изучал тот же архив, возможно, наткнулся на те же подозрения — погиб.

Кто следующий? Натан, чьи дневники стали слишком красноречивыми? Карен, задающая слишком много вопросов о прошлом своей семьи? Или, может быть, я сам — человек, который подошёл к правде ближе, чем кто-либо за последние двадцать два года?

Я больше не могу позволить себе роскошь медленного, методичного расследования. Кто-то в этом доме — или рядом с ним — готов убивать снова, и единственный способ остановить его — опередить на один шаг, прежде чем рядом с очередным телом окажется следующая жертва.

Глава 11

Архив полицейского управления округа располагался в подвале здания суда — длинный, плохо освещённый коридор, заставленный металлическими стеллажами, где хранились дела, казалось, с момента основания самого Мейплвуда. Запах здесь стоял особый: пыль, старая бумага, лёгкая сырость, просачивающаяся сквозь бетонные стены, — запах, который Брюс, как ему казалось, запомнит теперь на всю оставшуюся жизнь.

— Дело Коллинз, двадцать два года назад, — сказала архивариус, пожилая женщина с добрыми, но уставшими глазами, листая древний бумажный каталог. — Сейчас, сейчас… вот, нашла. Сектор D, седьмой стеллаж.

Рэйчел шла рядом с Брюсом, храня необычное для неё молчание, — она понимала, насколько этот момент важен и труден для напарника, и не пыталась заполнить тишину привычными шутками.

Папка оказалась тоньше, чем Брюс ожидал, — всего несколько десятков страниц, пожелтевших от времени, со скрепками, успевшими заржаветь. Он взял её в руки с таким чувством, будто держит нечто хрупкое, способное рассыпаться от неосторожного движения.

Первые страницы содержали стандартный протокол осмотра места происшествия — сухие, формальные фразы, фиксирующие то, что Брюс всю жизнь знал лишь в пересказе тёти Кэрол: автомобиль, обнаруженный у подножия обрыва, тела двух взрослых, предварительное заключение — потеря управления в условиях плохой видимости из-за грозы.

Но дальше, среди приложенных фотографий — чёрно-белых, зернистых снимков места аварии, — Брюс заметил деталь, которую не смог объяснить ни один из последующих документов в деле. На одной из фотографий, снятой с некоторого расстояния от обрыва, виднелся смазанный, нечёткий силуэт человека, стоящего у края тропы, — слишком далеко от основного места происшествия, чтобы быть случайным зевакой, слишком близко, чтобы быть простым прохожим.

— Рэйчел, — сказал он тихо, протягивая ей фотографию, — посмотри сюда.

Напарница вгляделась в снимок, затем нахмурилась.

— Этого человека не идентифицировали?

Брюс пролистал дело дальше, ища упоминание этого силуэта в протоколах, но не нашёл ничего — ни единой строчки, объясняющей присутствие постороннего человека на месте происшествия в ночь гибели его родителей.

— Нет, — сказал он медленно, чувствуя, как внутри него нарастает холодная, тягучая злость. — Его даже не упомянули. Будто никто не удосужился спросить, кто это и что он делал там в ту ночь.

Дальнейшее изучение дела выявило ещё одну странность — упоминание о коротком, почти формальном допросе Джина Мерсера, проведённом буквально на следующий день после трагедии. Протокол содержал лишь несколько строк: Мерсер подтвердил факт деловых переговоров с семьёй Коллинз относительно продажи земли, отрицал какую-либо причастность к их гибели, предоставил алиби — ужин с партнёрами в соседнем городе. Допрос, судя по всему, не вызвал у следователей того периода ни малейших дальнейших вопросов.

— Слишком поверхностно, — заметила Рэйчел, читая протокол через плечо Брюса. — Человек с явным мотивом, а его допросили за десять минут и закрыли вопрос.

— Либо у него действительно было железное алиби, как и сейчас, — ответил Брюс, — либо кто-то в участке очень не хотел копать глубже.

Он пролистал дело до конца, ища подпись следователя, ведущего расследование. Имя показалось смутно знакомым — не из личных воспоминаний, а из каких-то обрывочных разговоров тёти Кэрол, которые она никогда не договаривала до конца.

— Детектив Рэймонд Хейл, — прочитал он вслух. — Рэйчел, узнай, работает ли этот человек ещё где-нибудь, или хотя бы жив ли он вообще. Нужно поговорить с ним лично, если получится.

Из дневника Б. Коллинза

16 октября, поздний вечер, Мейплвуд.

Держал сегодня в руках дело о гибели родителей впервые в жизни. Двадцать два года я представлял себе эти страницы — иногда в кошмарах, иногда просто в тихие бессонные ночи, — но ничто не подготовило меня к тому, насколько тонкой, насколько небрежной оказалась эта папка. Два человека погибли, а дело заняло меньше тридцати страниц, будто их жизни стоили ровно столько бумаги и ни строчкой больше. На одной из фотографий — силуэт человека у края тропы, которого никто не удосужился найти и допросить. Руки дрожали, когда я вглядывался в этот размытый снимок, пытаясь различить хоть что-то — черты лица, рост, цвет одежды. Ничего. Просто тень на фоне обрыва, тень, которая могла изменить всю мою жизнь, если бы кто-то двадцать два года назад потрудился задать правильный вопрос.

Помню, как пахла кухня тёти Кэрол в те первые недели после похорон — корица и ваниль, она пекла без остановки, будто запах выпечки мог заглушить тишину, повисшую в доме после того, как увезли мои вещи из нашей старой квартиры. Я был слишком маленьким, чтобы понимать, что происходит, слишком напуганным, чтобы задавать вопросы. Теперь, тридцать два года спустя, я наконец начинаю их задавать — и, кажется, опоздал на два десятилетия.

Почему никто не искал этого человека на фотографии? Почему Мерсера допросили за десять минут и отпустили? Я должен найти этого следователя, Хейла, если он ещё жив. Кто-то должен ответить мне за эту небрежность — за годы, которые я провёл, веря в случайность там, где, возможно, с самого начала было убийство.

Глава 12

Анна Хейз согласилась встретиться с Брюсом не в доме отца, а в маленьком кафе на окраине города — выбор места сам по себе говорил о многом: девушка явно не хотела, чтобы их разговор достиг ушей Виктора.

Она выглядела измученной — тёмные круги под глазами, нервно подрагивающие пальцы, сжимающие бумажный стаканчик с остывшим кофе, — и Брюс с первой же минуты понял, что девушка находится на грани, балансируя между желанием выговориться и страхом перед последствиями откровенности.

— Я знаю, что вы хотите спросить, — сказала она прежде, чем Брюс успел начать. — О Карле. Мы встречались. Тайно, почти год.

— Почему тайно?

— Его мама не одобрила бы. Да и мой отец тоже, наверное, — хотя с ним сложнее, он слишком погружён в себя в последнее время, чтобы заметить что-либо. — Анна судорожно вздохнула. — Карен считала, что Карлу нужно сосредоточиться на учёбе, на подготовке к колледжу, а не на отношениях. Мы просто… решили, что проще никому не говорить, чем постоянно оправдываться.

— Расскажите про последние недели перед его смертью. Он был чем-то встревожен? Анна долго молчала, вертя стаканчик в руках, и Брюс видел, как внутренняя борьба отражается на её лице, — решение, которое она явно откладывала слишком долго.

— У меня есть письмо, — сказала она наконец, почти шёпотом. — Карл написал его мне за три дня до смерти, но так и не отправил — я нашла его потом, случайно, в приложении, которое мы использовали для переписки. Черновик, сохранённый, но не отосланный.

Она достала телефон, открыла нужный экран и протянула устройство Брюсу через стол.

Текст был коротким, написанным явно второпях, но каждое слово будто жгло страницу:

«Анна, мне нужно тебе кое-что рассказать, но я боюсь, что это прозвучит безумно. Кажется, я видел кое-кого у дома в ту ночь, когда дедушка показал мне старые бумаги про семью Коллинз. Не хочу говорить прямо, вдруг я ошибаюсь, но мне не по себе. Человек, которого я видел, не должен был там быть в такое время. Поговорим завтра, ладно? Не хочу писать больше в сообщении — а вдруг кто-то увидит».

Брюс несколько раз перечитал сообщение, чувствуя, как бешено колотится сердце.

— Он не успел сказать вам, кого видел?

Анна покачала головой, и по её щеке скатилась слеза, которую она торопливо смахнула.

— Мы должны были встретиться на следующий день после школы. Но он не пришёл. А вечером… вечером всё случилось.

— Почему вы не рассказали об этом раньше, Анна? Это могло оказаться решающей уликой.

Голос девушки дрогнул, и Брюс увидел, как страх, который она сдерживала всё это время, наконец прорывается наружу.

— Потому что я боялась, — выдохнула она. — Боялась, что это может быть связано с моим отцом. Карл написал “человек, которого я видел, не должен был там быть в такое время” — а мой отец часто навещал Натана по вечерам, даже поздно. Что, если Карл видел именно его? Что, если мой собственный отец как-то связан с этим? Слова повисли в воздухе, тяжёлые и пугающие своей откровенностью. Брюс почувствовал, как внутри него холодеет что-то — не от шока, а от осознания, насколько близко, оказывается, подошла эта запутанная история к людям, которых он уже успел узнать лично.

Из дневника Б. Коллинза

17 октября, ближе к полуночи.

Не могу уснуть. Письмо Карла — незаконченное, неотправленное, последнее, что он написал перед смертью, — стоит перед глазами, будто выжженное. “Человек, которого я видел, не должен был там быть в такое время”. Шестнадцатилетний мальчик понял что-то настолько важное, что побоялся даже написать об этом прямо, и через день заплатил за это открытие собственной жизнью.

Анна боится, что речь шла о её отце. Я не исключаю этой возможности — Виктор слишком удобно появляется в этой истории снова и снова, со своим “тот раз”, со своим “невыплаченным долгом”. Но что-то во мне сопротивляется такому простому выводу. Слишком многое указывает в разные стороны одновременно — Мерсер с его мотивом и алиби, Виктор с его недомолвками, Лидия с её многолетним молчанием в обоих домах.

В детстве, когда мне снились кошмары о той ночи на обрыве — хотя я никогда не видел ни единой фотографии, только представлял себе всё по рассказам, — мне всегда мерещилась одна и та же тень на краю обрыва, безликая, неразличимая. Сегодня я держал в руках настоящую фотографию с точно такой же тенью. Совпадение воображения с реальностью пугает меня больше, чем сама улика.

Кто бы ни был человеком, которого видел Карл в ту ночь, он — или она — находится достаточно близко к этой семье, достаточно вхож в дом, чтобы его присутствие поздним вечером не вызвало вопросов ни у кого, кроме наблюдательного шестнадцатилетнего подростка. Список сужается. Мне становится по-настоящему страшно от того, как близко этот список подводит меня к людям, которых я уже считаю почти друзьями.

Глава 13

Дом тёти Кэрол находился на другом конце штата, в маленьком пригороде, куда Брюс обычно приезжал лишь на праздники да редкие воскресные обеды, — но на этот раз он позвонил заранее, предупредив, что разговор будет серьёзным, и, судя по напряжённости её голоса в трубке, тётя поняла это задолго до его приезда. Она встретила его на пороге — невысокая женщина за пятьдесят, с добрыми морщинками вокруг глаз, но сегодня эти морщинки казались глубже обычного, будто вся тяжесть прожитых лет разом легла на её плечи.

— Ты нашёл что-то, — сказала она сразу, даже не поздоровавшись как следует, — я вижу по твоему лицу.

Они сели на кухне — той самой кухне, где Брюс провёл большую часть детства, где пахло корицей и ванилью, где тётя Кэрол учила его готовить, помогала с домашними заданиями, заменяла ему всё, что он потерял слишком рано.

— Тётя, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало от напряжения, — я поднял старое дело. Я нашёл фотографию с неизвестным человеком на месте происшествия. Я узнал про допрос Мерсера, проведённый за десять минут. И чем больше я копаю, тем яснее понимаю: это дело расследовали из рук вон плохо. Или кто-то намеренно не дал ему развиться.

Кэрол долго молчала, глядя в чашку с остывающим чаем, и Брюс видел, как внутри неё идёт мучительная борьба — борьба, которую он уже не раз наблюдал у свидетелей за годы работы детективом, но никогда не думал увидеть на лице собственной тёти.

— Брюс, — сказала она наконец, и голос её дрогнул так, как Брюс никогда прежде не слышал, — мне нужно рассказать тебе кое-что, что я скрывала двадцать два года. И я боюсь, что после этого ты больше никогда не будешь смотреть на меня так, как смотрел всегда.

Сердце Брюса замерло.

— Говори, тётя. Что бы это ни было.

Кэрол сделала глубокий, прерывистый вдох, будто собиралась с силами перед прыжком в холодную воду.

— В ночь, когда погибли твои родители, я приехала на место происшествия одной из первых — соседи вызвали меня, зная, что я живу неподалёку. Я увидела… — она замолчала, борясь со слезами, — я увидела в машине листок бумаги, зажатый в руке твоей матери. Записка, явно написанная наспех, карандашом. Я взяла её, прежде чем приехала полиция. И я сожгла её в тот же вечер, Брюс. Сожгла, даже не дав себе времени понять до конца, что там написано.

Брюс почувствовал, как земля вновь уходит из-под ног — третий раз за последние недели, но на этот раз боль была иной, личной, направленной на человека, которого он любил и которому доверял всю свою жизнь.

— Почему, тётя? Почему ты это сделала?

— Потому что я прочитала достаточно, чтобы понять: там было обвинение, — прошептала Кэрол, и слёзы наконец покатились по её щекам. — Твоя мама что-то заподозрила, кого-то конкретного, и написала это прямо перед… перед тем, как это случилось. Я была в ужасе, Брюс. Мне было тридцать лет, на руках десятилетний племянник, потерявший родителей, и записка, которая грозила втянуть нас обоих в нечто куда более страшное, чем простая трагедия. Я решила, что лучше похоронить правду вместе с ними, чем растить тебя в тени этой правды, не зная, кому можно доверять в этом городе.

— Что там было написано? Хоть что-то, тётя, хоть обрывок, который ты помнишь? Кэрол долго молчала, явно пытаясь выудить из памяти детали, которые намеренно похоронила двадцать два года назад.

— Там было имя, — сказала она наконец, едва слышно. — Не полное, может, просто инициал или первая буква. И слово “предал” — или что-то очень похожее. Я читала это в состоянии шока, Брюс, руки у меня тряслись так, что буквы расплывались перед глазами. Я не могу поклясться, что помню точно.

Брюс сидел неподвижно, пытаясь осмыслить услышанное. Записка, уничтоженная двадцать два года назад, могла бы сегодня содержать ответ на все вопросы, терзавшие его последние недели, — но вместо этого осталось лишь смутное воспоминание испуганной тридцатилетней женщины, сжигающей улику в приступе паники и любви к осиротевшему племяннику.

— Тётя, — сказал он наконец, стараясь, чтобы голос звучал мягче, чем он чувствовал себя внутри, — я понимаю, почему ты это сделала. Правда понимаю. Но теперь, когда дети снова гибнут на том же обрыве, мне нужно знать всё, что ты помнишь, даже самые смутные обрывки. Это может спасти чью-то жизнь.

Кэрол кивнула, вытирая слёзы, и впервые за весь разговор в её глазах мелькнуло нечто похожее на облегчение — облегчение человека, наконец освободившегося от груза, который он нёс в одиночку два десятилетия.

Из дневника Б. Коллинза

18 октября, дорога домой из дома тёти Кэрол.

Записка, которую держала в руках моя мать в последние мгновения своей жизни, была уничтожена той же ночью, из любви, из страха, из желания защитить десятилетнего мальчика от правды, которая могла оказаться ещё страшнее самой трагедии. Я не виню тётю Кэрол — видит бог, не виню, — но часть меня разбита вдребезги от мысли, что ответ был так близко все эти годы и исчез в пламени свечи на кухонном столе задолго до того, как я научился бы читать слово “предательство”.

Имя. Или инициал. “Предал” — вот и всё, что осталось от последних слов моей матери. Этого слишком мало для доказательства, слишком много для того, чтобы просто отмахнуться.

Помню, как пахла та кухня, где тётя Кэрол впервые попыталась объяснить мне, десятилетнему, что родители “больше не вернутся”. Корица и ваниль — тот же запах, что сегодня, двадцать два года спустя, когда она наконец рассказала мне правду о записке. Странно, как запахи детства остаются неизменными свидетелями самых страшных моментов жизни.

Предательство. Кем бы ни был человек, которого обвиняла моя мать в последние секунды своей жизни, слово “предал” подразумевает близость — не случайного врага, не постороннего убийцу, а кого-то, кому доверяли, кого считали своим. Это сужает круг подозреваемых до тех, кто был действительно близок к моей семье двадцать два года назад. И если Лидия Мур права в одном — что люди, вроде неё, видят больше, чем им положено, — возможно, пришло время спросить её прямо, кого именно она видела рядом с моими родителями в их последние дни.

Глава 14

Всё сложилось в голове Брюса одновременно, будто части головоломки, разбросанные по разным дням и разговорам, вдруг с щелчком встали на свои места, — произошло это не в момент озарения, а постепенно, за те полчаса, что он сидел в машине перед участком, разложив на приборной панели распечатки: список рецептов из единственной аптеки Мейплвуда за последние два месяца, протокол осмотра тела Крейга Фостера, обгоревший край записки тёти Кэрол, восстановленный по памяти как “предал”, и короткая буква “Л”, которую она наконец вспомнила этим утром после бессонной ночи раздумий.

— Рэйчел, — сказал он, врываясь в её кабинет с такой скоростью, что напарница едва не пролила кофе, — мне нужно, чтобы ты подняла аптечные записи за последние два месяца. Ищем рецепт на антигистаминные препараты, выписанный примерно за дватри дня до смерти Крейга Фостера.

— Зачем? — Рэйчел уже тянулась за телефоном, подчиняясь привычной интонации Брюса, не терпящей промедления.

— Потому что на месте гибели Крейга не было цветка, — объяснил он торопливо. — Единственный раз из трёх. Если убийца действительно оставляет этот цветок как своего рода ритуал, тогда отсутствие цветка значит одно: в тот момент убийца физически не мог его коснуться голыми руками. Внезапная аллергическая реакция на пыльцу этого конкретного растения — единственное разумное объяснение.

Через двадцать минут Рэйчел положила перед ним распечатку из городской аптеки — рецепт на сильный антигистаминный препарат, выписанный местным врачом ровно за два дня до гибели Крейга Фостера. Имя в графе пациента заставило Брюса похолодеть, несмотря на то что часть его уже предчувствовала этот ответ: Лидия Мур.

— Лидия, — прошептала Рэйчел, широко раскрыв глаза. — Она же… она же буквально была частью мебели в обоих домах. Мы почти не обращали на неё внимания.

— Именно поэтому никто её и не заподозрил, — ответил Брюс, чувствуя, как кусочки головоломки окончательно складываются в пугающе ясную картину. — Натан писал о человеке, “чьё лицо настолько привычно, что его невозможно заподозрить”. Виктор говорил о “невыплаченном долге” — может, он давно подозревал её, но боялся произнести вслух, защищая старого друга дома, которого все знали десятилетиями. Записка моей матери — буква “Л”. Лидия работала у нас. Лидия перешла к Райдам сразу после гибели моих родителей.

Он замолчал, чувствуя, как к горлу подступает тошнота от осознания, насколько долго правда пряталась у всех на виду, за фартуком домработницы, разносящей чай и убирающей со стола.

— Но зачем? — спросила Рэйчел тихо. — Какой у неё мотив?

— Не знаю, — признался Брюс. — Но сейчас это не главное. Главное — она ещё не закончила. Карл знал. Крейг знал. И теперь, после разговора с Виктором, после его оговорки о “том разе”, она наверняка понимает, что он — следующая угроза разоблачения.

Он схватил куртку, уже на бегу набирая номер дома Виктора Хейза, — гудки шли один за другим, без ответа.

— Едем, — бросил он Рэйчел. — Сейчас же.

Дорога до дома Виктора заняла пятнадцать минут, показавшихся Брюсу вечностью, — каждый светофор, каждая задержавшаяся на перекрёстке машина отзывались в груди острой, почти физической болью тревоги. Он представлял себе десятки сценариев, один страшнее другого, и ни один из них не включал простого, обыденного объяснения.

Дом встретил их пугающей, абсолютной тишиной. Дверь оказалась не заперта — деталь, заставившая сердце Брюса пропустить удар, — но внутри не было ни следа борьбы, ни единого

предмета не на своём месте. Гостиная, где Брюс разговаривал с Виктором неделю назад, стояла нетронутой, лишь пустая чашка на столе свидетельствовала о недавнем присутствии хозяина.

— Его здесь нет, — выдохнула Рэйчел, проверив все комнаты. — Ни тела, ни следов насилия. Просто… пусто.

Брюс почувствовал, как внутри него нарастает паника иного рода — не облегчение от отсутствия тела, а ужас оттого, что Виктор мог быть уже увезён, уже находиться там, где его настигнет судьба, повторившая судьбу Карла и Крейга.

— Обрыв, — сказал он резко. — Если она следует тому же почерку, что и раньше… Они снова сорвались с места, на этот раз направляясь к тому самому обрыву, что уже дважды за последний месяц становился местом трагедии. Брюс гнал машину быстрее, чем позволяли правила, чувствуя, как пульс стучит в висках в унисон с мотором.

Обрыв встретил их пустотой — ни машины Виктора, ни единого признака присутствия человека на тропе, ведущей к краю. Только ветер, безразлично шевелящий пожухшую траву, да далёкий шум реки внизу, равнодушный свидетель всех трагедий, разыгравшихся над его берегами за последние двадцать два года.

— Его здесь нет, — сказала Рэйчел, озвучивая очевидное, хотя её голос дрожал от напряжения. — Может, мы ошиблись? Может, цель не он?

Брюс стоял на краю обрыва, чувствуя, как ветер холодит лицо, и впервые за всё расследование позволил себе усомниться в собственной логике. Что, если он просчитался? Что, если, пока они мчались сюда, настоящая опасность разворачивалась в совершенно другом месте — у дома Карен, в архиве Натана, где угодно ещё?

Минуты тянулись невыносимо медленно — пять, десять, пятнадцать, — Брюс уже набирал номер шерифа Прайс, чтобы объявить общий поиск, когда на дороге, ведущей к дому Виктора, показались знакомые фары старого седана.

Виктор Хейз вышел из машины с лёгким удивлением на лице, увидев двух детективов, явно поджидавших его у собственного дома.

— Детектив Коллинз? — произнёс он, озадаченно хмурясь. — Что-то случилось?

— Где вы были последний час? — спросил Брюс, не скрывая облегчения, захлестнувшего его при виде живого, невредимого старика.

— Ужинал у соседки, миссис Гарднер, через два дома отсюда, — ответил Виктор, попрежнему не понимая причины их тревоги. — Я всегда хожу к ней по четвергам, уже лет пять. А что, собственно, произошло?

Брюс почувствовал, как напряжение, копившееся последние полчаса, разом отпускает тело, сменяясь почти болезненным облегчением, — и одновременно острым осознанием: они опередили катастрофу лишь случайностью, лишь привычкой старика проводить четверги у соседки, а не каким-либо их собственным профессиональным предвидением.

— Мистер Хейз, — сказал он серьёзно, — вам грозит опасность. Настоящая, непосредственная опасность. Нам нужно немедленно поговорить — о том разе, который вы упомянули в прошлый раз, и о том, что вы на самом деле видели двадцать два года назад.

Из дневника Б. Коллинза

20 октября, глубокая ночь, после возвращения от дома Виктора.

Пятнадцать минут пустого дома, пустого обрыва — пятнадцать минут, в течение которых я по-настоящему, впервые за всё расследование, представил себе, каково это: опоздать. Не успеть. Увидеть ещё один деревянный колышек с номером там, где раньше стоял живой человек.

Руки до сих пор дрожат, хотя прошло уже три часа. Не помню, когда в последний раз чувствовал такой чистый, animal страх — разве что в детстве, в те недели после гибели родителей, когда каждый скрип половиц по ночам казался предвестником новой беды. Лидия Мур. Женщина, которая разливала мне чай в доме Райдов, которая работала у моих собственных

родителей за несколько лет до их гибели. Я смотрел ей в глаза десятки раз за последние недели и ни разу — ни разу! — не почувствовал того, что должен был почувствовать детектив с двенадцатилетним опытом. Она была невидимкой. Именно поэтому она и выжила в тени всех подозрений так долго. Я до сих пор не знаю мотива. Но завтра, когда мы соберём всех вместе — Виктора, Натана, Карен, саму Лидию, — правда наконец выйдет на свет. Двадцать два года молчания закончатся завтра. Я чувствую это так же ясно, как чувствовал холодный ветер на краю обрыва сегодня вечером, ожидая, не опоздал ли я уже навсегда.

Глава 15

Они собрались в гостиной дома Райдов на следующий день — Натан в своём привычном кресле у окна, Карен рядом с ним, напряжённая и бледная, Виктор, которого Брюс лично настоял привезти под охраной, и, наконец, Лидия Мур, вызванная под предлогом обычных формальных вопросов, не подозревающая, что сегодняшний день станет для неё последним днём свободы.

Брюс разложил на журнальном столике собранные улики — распечатку рецепта из аптеки, фотографию с размытым силуэтом на месте гибели его родителей, восстановленный текст записки, пахнущий горьким дымом двадцатидвухлетней давности.

— Мистер Хейз, — начал Брюс, обращаясь к Виктору напрямую, — вчера вы обещали рассказать, что видели в ночь гибели моих родителей. Пришло время сдержать обещание.

Виктор долго молчал, глядя на свои морщинистые руки, прежде чем заговорить — медленно, тяжело, будто каждое слово стоило ему физических усилий.

— Я видел свет в окне кухни Коллинзов в ту ночь, около одиннадцати, когда возвращался домой с рыбалки, — сказал он наконец. — И видел, как кто-то выходил из их дома — невысокая женская фигура, с корзиной в руках, будто уходящая с обычной работы. Я не придал этому значения — Лидия часто задерживалась допоздна, помогая по хозяйству. Но потом, когда нашли тела, когда появились первые слухи об убийстве, я вспомнил этот момент и… и предпочёл промолчать. Она казалась мне неспособной на такое. А может, — старик наконец поднял взгляд, полный искреннего раскаяния, — может, мне просто было удобнее в это верить, как и всем остальным.

В комнате повисла тяжёлая, звенящая тишина. Лидия Мур сидела неподвижно, её лицо побледнело, но взгляд оставался странно спокойным — взгляд человека, который слишком долго готовился к этому моменту, чтобы впасть в панику сейчас.

— Мисс Мур, — произнёс Брюс, поворачиваясь к ней, — у нас есть рецепт на антигистаминный препарат, выписанный на ваше имя за два дня до гибели Крейга Фостера. Мы полагаем, что именно внезапная аллергическая реакция на цветы из сада Райдов — цветы, которые вы сами выращивали десятилетиями, — помешала вам оставить привычный “подарок” на месте его гибели. Единственная ошибка за три преступления.

Лидия долго молчала, и Брюс видел, как внутри неё что-то ломается — не от страха разоблачения, а от невыносимой усталости человека, слишком долго нёсшего непосильный груз в одиночку.

— Этот сад, — сказала она наконец, и голос её прозвучал неожиданно твёрдо, почти с горечью, — посадила моя мать, когда работала у семьи Райд ещё до войны. Она отдала этому саду всю свою жизнь, а когда умерла, оставила мне лишь воспоминания да горстку семян, которые я пересаживала из дома в дом все эти годы, — единственное, что действительно принадлежало мне, а не хозяевам, которых я обслуживала.

Она подняла взгляд, и в её глазах Брюс увидел наконец то, что так долго ускользало от его внимания, — не пустоту прислуги, привыкшей быть невидимой, а бездонный колодец многолетней, тщательно скрываемой обиды.

— Марк Коллинз обещал моему мужу, — продолжила она, — что когда-нибудь, если у него будут лишние деньги, он поможет нам выкупить клочок земли рядом с этим самым обрывом — землю, которая когда-то принадлежала семье моего мужа, прежде чем та разорилась и продала её его деду. Это была не просто земля, детектив. Это была единственная мечта, которая оставалась у моего мужа после того, как война и болезни забрали у него всё остальное. Марк клялся помочь. Год за годом он откладывал этот разговор, пока однажды я не услы-

шала, как он говорит Хелен, что решил наконец продать весь участок Мерсеру целиком — без остатка, без единой мысли о нашем крошечном уголке, который значил для нас всё.

Голос Лидии сорвался, и впервые за весь разговор её спокойствие дало трещину.

— Я не планировала убивать, — прошептала она. — Я пришла поговорить, умолять, напомнить о данном слове. Но Хелен Коллинз рассмеялась мне в лицо — сказала, что я “слишком много возомнила о себе для простой прислуги”. Что-то во мне сломалось в тот момент, детектив. Годы невидимости, годы “да, мэм”, “конечно, мэм” — и в один миг всё превратилось в нечто, с чем я больше не могла справиться. Я знала, что они в тот вечер собираются уезжать по дороге вдоль обрыва — Марк сам говорил мне об этом за ужином, как говорят прислуге, не задумываясь, что она слышит. Я подождала на повороте, перед самым дождём, и столкнула на дорогу перед их машиной старое бревно — ровно настолько, чтобы Марк, уходя от удара в темноте и ливне, до предела вывернул руль. Остальное сделал обрыв сам, без моего участия.

Она замолчала, и Брюс почувствовал, как в груди у него смешиваются гнев и странное, непрошеное сочувствие — чувство, которое он прежде никогда не испытывал к человеку, убившему его родителей.

— А Карл? Крейг? — спросил он тихо. — Какое отношение они имели к вашей давней обиде?

— Карл нашёл записи Натана, — ответила Лидия устало. — Он начал задавать вопросы — слишком много, слишком точных вопросов о фамилии Коллинз, о человеке, виденном у дома в ту ночь. Я поняла: если он продолжит копать, правда выйдет наружу, а вместе с ней — конец всему, что у меня осталось. Крейг же просто оказался не в том месте не в то время — он нашёл в архиве те же страницы, что и Карл, и начал складывать те же вопросы.

Карен тихо всхлипнула, закрыв лицо руками, а Натан, казалось, постарел на десяток лет за те несколько минут, что длилось это признание.

— Лидия Мур, — произнёс Брюс наконец, чувствуя странную, горькую завершённость в собственном голосе, — вы арестованы за убийство Марка и Хелен Коллинз, Карла Райда и Крейга Фостера.

Из дневника Б. Коллинза

21 октября, поздний вечер.

Двадцать два года я представлял себе лицо убийцы моих родителей как нечто чудовищное, нечеловеческое — монстра, которого легко возненавидеть без остатка. Реальность оказалась куда сложнее и куда печальнее: усталая, сломленная женщина, чья боль копилась десятилетиями в тени чужого благополучия, пока не выплеснулась в акт, непоправимый и трагический для всех, включая её саму.

Это не оправдывает ничего. Три жизни оборваны, включая жизни двух невинных юношей, которые заплатили за чужую, давнюю обиду, не имевшую к ним лично никакого отношения. Но я ловлю себя на мысли, что ненависть, которую я нёс в себе двадцать два года, сегодня впервые уступила место чему-то более сложному — не прощению, нет, ещё далеко не прощению, но, возможно, пониманию масштаба трагедии, затронувшей куда больше людей, чем я когда-либо мог представить. Помню запах той кухни тёти Кэрол в детстве — корица и ваниль, запах, который я всегда связывал с горем и утратой. Теперь, думаю, этот запах всегда будет напоминать мне ещё и о правде — долгожданной, выстраданной, но не приносящей того облегчения, на которое я так наивно рассчитывал все эти годы.